

Хомбак Евгений

СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Бюро авматорских расследований

Некоторые тайны
нельзя раскрыть в одиночку

Хомбак Евгений

Стеклянный дом

«Автор»

2026

Евгений Х.

Стеклянный дом / Х. Евгений — «Автор», 2026

В Петербурге открывает двери «Бюро аматорских расследований». Марк Ветров не ищет пропавших людей, а диагностирует сломанные смыслы. Его метод - «Аматорика»: жесткая система психологических паттернов, где любовь раскладывается на функции, а брак - на транзакции. Первое дело бросает вызов самой сути бюро. Идеальная бизнес-леди Елена Воронцова теряет мужа - за сутки до контракта века Дмитрий исчезает, оставив телефоны в машине. След ведет не к офшорам и любовницам, а к стеклянному дому, где каждый шаг был расписан по минутам. В расследовании Ветрову помогает хаотичная журналистка Алиса - живой антипод его холодной логики. Вместе они вскрывают механизм, который страшнее измены: тиранию, замаскированную под заботу. Это не детектив о поисках беглеца. Это вскрытие системы, где любовь превратилась в менеджмент, а партнеры перестали быть людьми, став проектами. Смогут ли Елена и Дмитрий увидеть правду? И что произойдет, когда лед встретится с пламенем в стенах самого Бюро?

© Евгений Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хомбак Евгений Стеклянный дом

Пролог

Человек, который ушёл в тишину

Утро в Петербурге редко бывает добрым, но в тот четверг оно выдалось откровенно издевательским. Низкое, свинцово-серое небо плотно придавило город к невской воде, а мелкий, как стеклянная крошка, дождь беззвучно сек панорамные окна пентхауса на Крестовском острове.

Елена открыла глаза ровно в 7:00. Встроенные биоритмы работали точнее, чем швейцарские часы на запястье её мужа. Система «умный дом», повинаясь беззвучному таймеру, плавно раздвинула шторы блэкаут ровно на тридцать процентов, пуская в спальню стерильный утренний свет.

Первое, что она почувствовала — неправильность.

Воздух в спальне был слишком неподвижным. Справа от неё, на половине Дмитрия, царил идеальная гладь. Итальянское постельное белье из египетского хлопка (четырёхсот нитей на дюйм, она выбирала лично) даже не было смято. Подушка взбита.

Елена нахмурилась. Легкая складка пролегла между идеально очерченными бровями. Дмитрий никогда не вставал раньше неё без предупреждения. У них был график. У них всегда был график, потому что хаос — это первый шаг к провалу, а они с Дмитрием не проваливались никогда. Завтра подписание контракта по слиянию с сингапурским холдингом. Сегодня — день максимальной концентрации и выверенных шагов.

Она откинула одеяло и спустила ноги на подогреваемый паркет из морёного дуба.

— Дима? — голос прозвучал уверенно, с той легкой, едва уловимой повелительной ноткой, к которой привыкли её подчиненные и, как ей казалось, с благодарностью принимал муж. Ведь она просто направляла его энергию в нужное русло.

Тишина. Только приглушенный гул элитной вентиляции.

Елена накинула шелковый халат и вышла в гостиную. Их квартира часто попадала на страницы интерьерных журналов. «Стеклянный дом», как называла его Елена. Двести квадратных метров открытого пространства, стекло, бетон, полированный металл и холодный мрамор. Ни одной лишней вещи. Никакого визуального шума. Все подчинено строгой, идеальной структуре.

Но сейчас эта структура казалась не безупречной, а пустой.

Кофемашина на кухонном острове была холодной. В прихожей, где всегда, выровненные по невидимой линии, стояли его оксфорды ручной работы, зияла пустота.

Раздражение, теплое и колющее, начало подниматься где-то в районе солнечного сплетения. «Что за ребячество? Забыть предупредить меня накануне такого дня?»

Елена вернулась в спальню, взяла со столика телефон и набрала номер мужа.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

Механический голос ударил по нервам. Она открыла мессенджер. Вчера вечером она отправила ему подробный план на сегодняшнее утро — по минутам, включая время на углеводный завтрак и список тезисов для переговоров. Сообщение висело с одной серой галочкой. Профиль Дмитрия был пуст: ни фотографии, ни статуса "был в сети".

Блок. Он её заблокировал.

И вот тогда идеальный мир Елены дал первую микротрещину. Она стремительно подошла к его гардеробной. Распахнула тонированные стеклянные дверцы.

Идеальный порядок нарушился. Исчезли два кашемировых пуловера, джинсы, спортивная сумка и его любимые кожаные кроссовки, которые Елена, к слову, всегда считала слишком неформальными для его статуса.

Её взгляд упал на массивный комод из темного дерева. Там, ровно по центру, лежал подарок, который она преподнесла ему неделю назад. Дорогой, обтянутый телячьей кожей планер на следующий год, где она лично, своим красивым каллиграфическим почерком, уже расписала его главные цели, поездки и обязательные чек-апы здоровья.

Планер лежал нетронутым. Словно ядовитый.

Елена не запаниковала. Женщины её типа (идущие к цели, знающие, как правильно) не паникуют, они решают проблемы. Она набрала номер.

— Оксаночка, доброе утро, — ледяным, безупречно ровным тоном произнесла она, когда на том конце ответили. — Дмитрий Алексеевич уже в офисе?

— Елена Викторовна? — голос секретарши мужа дрогнул, выдавая крайнюю степень нервозности. — Эм... нет. Дмитрий Алексеевич... он не приехал.

— И где он? У него через три часа бриф с юристами.

— Я не знаю, Елена Викторовна. Честное слово. Вчера в одиннадцать вечера он позвонил на рабочий. Сказал отменить весь утренний блок... и... и дневной тоже. Сказал, что все встречи переносятся на неопределенный срок.

— И ты мне не сообщила? — голос Елены понизился на октаву, превратившись в стальной хлыст.

— Он запретил! — чуть не плача выпалила секретарь. — Сказал, что это личное распоряжение. Я думала, вы в курсе...

Елена сбросила вызов. В груди ворочалось нечто холодное и тяжелое. Это не было похоже на измену — для интрижек не отменяют сделки года и не собирают вещи ночью в гробовой тишине. Это было похоже на побег. Бунт. Но против чего? У них же была идеальная жизнь! Она всё для этого сделала!

Ее пальцы быстро нашли в телефонной книге другой номер. "Виктор. Безопасность".

Гудки шли долго. Наконец, раздался щелчок, и в трубке послышался тяжелый, прокуренный вздох. Виктор, бывший силовик, отвечающий за безопасность всего холдинга Дмитрия, никогда не отличался светскими манерами.

— Доброе утро, Елена Викторовна, — его голос звучал так, словно он не спал несколько суток.

— Виктор. Дима исчез.

— Я знаю.

Елена замерла. Трещина на стекле её реальности расплзлась шире.

— Знаешь? И молчишь? Геолокация его телефона? Камеры на паркинге? Где его машина? Высылай ребят, это может быть похищение, шантаж перед сделкой...

— Елена Викторовна, — мягко, но веско перебил её безопасник. В его голосе не было тревоги, только глубокая, экзистенциальная усталость. — Машина стоит в Пулково на долгосрочной парковке. Записи с камер я видел. Он приехал один. Спокойно вышел. Камеры в терминале его не зафиксировали, значит, он уехал оттуда на такси или с кем-то. Телефоны — и личный, и рабочий — остались в бардачке машины.

— Он оставил телефоны? — Елена оперлась рукой о прохладный мрамор кухонного острова. Мир начал слегка крениться. Дмитрий без связи был как рыба без воды. — Виктор, я не понимаю. Что происходит? Подключай свои связи в органах. Нужно найти его.

В трубке снова повисла тишина. Слышно было, как чиркнула зажигалка.

— Я не буду подключать органы, Елена Викторовна.

— Что?! Ты уволен! Я сейчас же позвоню...

— Послушайте меня внимательно, Лена, — Виктор впервые назвал её по имени, и это отрезвило её лучше пощечины. — Я безопасник. Я ищу тех, кого украли, кто украл, или кому угрожают. Вашему мужу не угрожали. Дмитрий Алексеевич не жертва преступления. Он человек, который очень тщательно, очень методично и совершенно добровольно ушёл в тишину. С радаров. Мои ребята тут не помогут. Если человек не хочет, чтобы его нашли — он не оставит цифрового следа.

— И что ты предлагаешь мне делать? Сидеть и ждать, пока сорвется сделка на полмиллиарда?! — ее голос сорвался, выдавая накатывающую истерику. Не от потери денег. От потери контроля.

— Я сейчас скину вам один адрес, — после паузы произнес Виктор. — Там сидит человек. Он... скажем так, решает проблемы, с которыми не справляется ни полиция, ни моя служба. Он профи особого толка.

Экран смартфона минькнул. Пришло сообщение.

Елена посмотрела на адрес. Улица Рубинштейна. Двор-колодец.

— Виктор, это шутка? — она презрительно скривила идеальные губы. — Ты прислал мне адрес какого-то заведения? Вывеска "Б.А.Р."? Ты предлагаешь мне пойти напиться в девять утра?!

Виктор хмыкнул.

— Это не питейное заведение, Елена Викторовна. Хотя половина улицы думает именно так. Расшифровывается как "Бюро Аматорских Расследований". Идите туда. Спросите Марка. И да... — Виктор замялся, что было ему совершенно несвойственно. — Не пытайтесь ему приказывать. С ним это не работает.

Звонок оборвался.

Елена осталась стоять посреди своего огромного, стеклянного, идеального и абсолютно мертвого дома. Планер на комодке казался надгробием их прошлой жизни.

Она резко развернулась и пошла в гардеробную. Вытащила с вешалки пальто. Ярко-красное. Цвета пожарной сирены. Цвета агрессии и контроля.

«Бюро любовных расследований? Какая пошлость», — подумала она, завязывая пояс тугим, безупречным узлом. — «Я найду тебя, Дима. И ты мне всё объяснишь».

Она не знала, что переступая порог этого офиса с дурацкой вывеской, она навсегда лишится иллюзии, что любовью можно управлять с помощью расписания.

Глава 1

Клиентка в красном пальто

Улица Рубинштейна в утренние часы выглядела похмельной и откровенно неприветливой. Знаменитая барная артерия Петербурга, шумевшая до пяти утра звоном бокалов и джазом, теперь уныло отмокала под мелким, назойливым дождём. Елена, стараясь не запачкать бежевые лодочки от Jimmy Choo в маслянистых лужах, свернула в арку нужного двора-колодца.

Всё здесь оскорбляло её обостренное чувство прекрасного и правильного. Облупившаяся штукатурка цвета старой горчицы, хаотично, вне всякой разметки припаркованные машины, мутные окна цокольных этажей. Это был мир без структуры, без регламента, без ясного вектора. Место, где по определению не могло происходить ничего продуктивного. И именно в этот мир её идеальный муж Дмитрий почему-то решил бежать.

Она остановилась перед тяжелой дубовой дверью с латунной ручкой в виде потускневшей львиной головы. Рядом, под узким козырьком, мигала неоновая вывеска. Две буквы горели тревожным красным, третья неуверенно мерцала, издавая тихое электрическое жужжание: «Б.А.Р.».

Дверь неожиданно распахнулась, и на улицу, едва не сбив Елену с ног, вывалился помятый мужчина в расстегнутой куртке. От него густо разило вчерашним весельем, дешевым табаком и отчаянием.

— Извиняй, дамочка, — буркнул он, путаясь в собственных ногах и поправляя воротник. — Ошибся дверью. Написано же, мать их, «бар», а там сидит какой-то мозгоправ с доской. Тьфу.

Елена брезгливо отстранилась, вжимаясь спиной в мокрую кирпичную стену. Её пальцы в тонких кожаных перчатках до побеления костяшек сжали ручку сумки Birkin. «Виктор, если это твоя дурацкая шутка, я уволю тебя без выходного пособия», — подумала она, толкая тяжелую створку и решительно шагая внутрь.

Переступив порог, Елена ожидала увидеть всё что угодно: прокуренный полуподвал, липкие столы, подозрительных личностей маргинального толка. Но реальность ударила по её восприятию резким, почти звенящим контрастом.

Пространство внутри не имело ничего общего с улицей снаружи. Оно напоминало симбиоз закрытого британского клуба для джентльменов и футуристичной лаборатории. Сводчатые кирпичные потолки были выбелены, свет падал мягкими, выверенными акцентами. Пахло не перегаром, а дорогим сандалом, свежей типографской краской и хорошим кофе.

Пространство было зонировано с математической точностью. Вдоль левой стены тянулись стеллажи с книгами, расставленными, очевидно, по строгой системе — корешок к корешку. А центральное место занимала огромная, от пола до потолка, стеклянная магнитно-маркерная доска. Она была исчерчена геометрическими фигурами, стрелками и связями, напоминающими карту запутанного метрополитена.

Мужчина, стоявший спиной ко входу, идеально вписывался в эту строгую архитектуру.

Услышав звон дверного колокольчика, он медленно обернулся. Высокий, с резкими, словно высеченными из серого камня чертами лица. Одет он был с той сдержанной, бескомпромиссной элегантностью, которая выдает породу: чёрное кашемировое пальто премиум-класса, распахнутое ровно настолько, чтобы обнажить черный гольф, черный шарф небрежным, но идеальным узлом. Никаких цветовых пятен. Только когда он двинулся, Елена заметила едва уловимый проблеск темно-бордовой подкладки пальто.

Его взгляд, усиленный очками в тонкой металлической оправе, скользнул по Елене. Это не был взгляд мужчины, оценивающего привлекательную женщину. Это был взгляд сканера. Марк Ветров не обратил внимания на вызывающую роскошь её красного пальто или безупречную укладку. Он фиксировал напряжение в её плечах, жестко сжатые челюсти, контролирующую позу и то, как агрессивно она держала сумку — как щит и оружие одновременно.

— Мы закрыты, — ровным, баритональным голосом произнес Марк. В его тоне не было ни вопроса, ни извинения. Факт. Утверждение. — Приемные часы с десяти. И, как вы, вероятно, поняли по уходящему джентльмену, алкоголь мы не подаем. Руки не доходят сменить вывеску.

Елена выпрямилась еще больше. Её позвоночник словно превратился в стальную арматуру.

— Меня зовут Елена Воронцова, — её тон был повелительным, прорезающим тишину кабинета, как стеклорез. Тон человека, чьи слова немедленно превращаются в приказы для десятков людей. — Меня направил к вам Виктор из службы безопасности холдинга «Авангард». Мой муж, Дмитрий Воронцов, исчез. Завтра подписание важного контракта. Вы должны его найти. И сделать это сегодня. Я плачу тройной тариф за срочность.

Марк не шелохнулся. Он медленно достал из карманов пальто руки, обтянутые черной кожей перчаток, и стянул их, бросив на край своего идеально чистого стола из темного дерева. На его левой брови блеснул тонкий белый шрам — след давней драки, диссонирующий с его интеллигентным обликом. На запястье тускло сверкнули тяжелые механические часы с гравировкой.

— Я не ищу пропавших людей, Елена, — произнес он, глядя ей прямо в глаза. — Я не частный детектив, не полиция и не ищейка вашего безопасника. Я ищу пропавшие смыслы. Если ваш муж сбежал с корпоративными миллионами — вам в ОБЭП. Если его похитили конкуренты — звоните ноль-два.

— Он ничего не украл! И его не похитили! — голос Елены дрогнул, холодная маска дала первую микротрещину. — Он ушел сам. Вчера ночью. Оставил телефоны в бардачке, бросил машину на долгосрочной парковке Пулково. Все подруги твердят мне, что у него появилась другая женщина. Но это бред! Для интрижек не срывают сделки года. Это... это какой-то сбой. Он просто сломался. Сошел с ума от стресса. Мне нужно, чтобы вы вернули его. Привели в чувство. Объяснили ему, что он рушит систему, которую мы выстраивали семь лет!

«Систему», — мысленно отметил Марк. Не «семью». Не «нашу жизнь». Систему.

Он подошел к стеклянной доске, взял черный маркер и, не отрывая взгляда от клиентки, сделал на краю стекла короткую пометку. В его голове, как в мощном аналитическом центре, начали складываться первые пазлы.

Он слышал её лексикон. Глаголы долженствования, императивы. «Должны», «система», «привести в чувство», «выстраивали». Она говорила о своем муже так, словно речь шла о вышедшем из-под контроля подчиненном или неразумном подростке, которого нужно срочно вернуть в рамки регламента.

Это была 1-я Сторге в её самом кристальном, абсолютном проявлении. Первая функция Эго — уверенная, пламенная, не терпящая возражений. Архетип Учителя, который всегда знает, как «правильно», и искренне считает, что его директивное направление — это и есть высшая форма заботы.

— Вы говорите, что выстраивали систему, — медленно произнес Марк, опираясь бедром о край стола. Вокруг него словно сгустились холодные, сине-серые тени. Аура контроля и структуры, которую излучал сам Марк, наполнила комнату, сталкиваясь с агрессивным красным полем Елены. — Вы всё планировали. Вероятно, вы контролировали его график? Диеты? Чек-апы у врачей?

— Разумеется, — Елена раздраженно взмахнула рукой. — Он бизнесмен, а не робот. Если бы я не следила за его расписанием, он бы забывал поесть или падал в обмороки от давления. Мы партнеры. У нас нет секретов. За неделю до исчезновения я подарила ему планер на следующий год. Лично расписала все ключевые вехи, КРІ для нашей семьи, даты его обследований. Без моего направления он бы до сих пор сидел в кресле рядового зама.

Щелчок. В голове Марка картина обрела пугающую ясность.

Подарила планер с расписанными КРІ для семьи.

Для Елены это был акт любви. Для Дмитрия это стало приговором.

Марк отвернулся к доске и крупными, ровными буквами написал одно слово: ТИРАНИЯ.

— Что вы пишете? — Елена подалась вперед, её глаза недобро сузились. — Какая тирания? Я никогда не поднимала на него голос! В нашем доме никогда не было скандалов!

— Тирания бывает разной, Елена, — голос Марка был дидактичным, спокойным, но резал без ножа. Его собственная 1-я Сторге (Вектор-Идеалист) вступила в игру, но в отличие от клиентки, он полностью осознавал её механизм. — Крики и битье посуды — это примитив. Настоящая, глубокая тирания в отношениях — это когда один человек методично, день за днем, под видом любви стирает направление жизни другого. Подменяет его желания своей концепцией «как правильно». Ваш муж не сломался от стресса на работе, Елена. Он задохнулся в вашем идеальном порядке. Ваше направление лишило его кислорода. Вы подарили ему сценарий его жизни, в котором ему самому не осталось места.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было только, как по карнизу за окном бьет петербургский дождь.

Елена стояла неподвижно, её лицо побледнело. Впервые за долгое время кто-то не просто не согласился с её правилами, а выставил свои — более жесткие, более структурные. Её Это столкнулось с железобетонной стеной.

— Я возьму ваше дело, — произнес Марк, нарушая молчание. Он закрыл маркер колпачком. — Не за тройной тариф. За стандартный. Я найду ответ на вопрос почему и куда он ушел. Но вы должны быть готовы к тому, что когда я положу этот ответ перед вами, он вам не понравится. Вы готовы признать, что ошибка кроется не в вашем муже, а в операционной системе вашего брака?

Елена медленно опустила сумку на пол. Красное пальто уже не казалось броней. Оно казалось мишенью.

Она молча кивнула.

Первое дело открыто.

Глава 2

Структура исчезновения

Когда за Еленой Воронцовой закрылась тяжелая дубовая дверь, в кабинете еще долго висел шлейф её парфюма — Vassarat Rouge 540. Слишком сладкий, слишком тяжелый, слишком агрессивный для десяти утра. Этот запах въедался в рецепторы, как амбиции самой Елены въедались в жизнь её мужа.

Марк подошел к окну и приоткрыл тяжелую фрамугу. В помещение ворвался влажный, прохладный петербургский воздух, вытесняя удушливую ауру клиентки. Дождь снаружи не утихал, превращая очертания соседних домов в серые акварельные пятна.

Ветров любил такую погоду. Она была честной. Она не обещала ложного тепла и заставляла людей искать укрытие, обнажая их базовые потребности.

Он отвернулся от окна и подошел к кофемашине — единственному предмету в офисе, который издавал хоть какие-то звуки помимо тиканья настенных часов. Ритуал приготовления кофе был для него формой медитации. Его 2-я Агапе (Персона) обожала этот инструментальный, тактильный процесс заботы о физическом мире. Отмерить ровно восемнадцать граммов зерен Эфиопии, услышать хруст жерновов, спрессовать таблетку темпером с идеальным усилием в пятнадцать килограммов. Наблюдать, как густая, темная струя эспresso ложится на дно подогретой керамической чашки.

В этом была понятная физика. Причина и следствие. Если ты всё сделал правильно, результат будет безупречным.

С людьми это правило не работало. Марк выучил этот урок слишком дорогой ценой.

Он взял чашку и сел за свой рабочий стол. Перед ним лежала пухлая папка из матового черного пластика, которую Елена оставила в качестве «материалов дела». Она подготовилась блестяще. Выписки со счетов, распечатки их переписок в мессенджерах за последний месяц, детализация звонков Дмитрия, график его встреч и даже копии медицинских карт. Идеальный отчет кризис-менеджера о потерпевшем крушение предприятии под названием «Брак».

Марк включил настольную лампу с направленным светом, отгородившись от полумрака кабинета этим строгим желтым конусом. Он надел очки. Металлическая оправа холодила переносицу, помогая переключить мозг в режим чистой, кристальной аналитики.

Восемь лет назад он сидел в таком же конусе света, но в кабинете на пятьдесят этажей выше, в стеклянной башне Москва-Сити. Тогда он был ведущим антикризисным управляющим. Его нанимали, когда корпорации начинали истекать кровью. Он приходил, безжалостно резал косты, увольнял топ-менеджмент целыми отделами, выстраивал новые жесткие векторы и спасал бизнесы от банкротства. Он был богом систем. 1-я Сторге в абсолюте — безжалостный, уверенный Архитектор, видящий только цель.

Но однажды его собственная система рухнула.

Марк невольно потер левую бровь, там, где под пальцами ощущался гладкий рубец. Он вспомнил пустые, выцветшие глаза женщины, которую, как ему казалось, он любил. «Ты всё расписал, Марк, — сказала она тогда, стоя в дверях с чемоданом. — Ты построил для нас идеальную крепость. Но в ней так холодно, что я перестала чувствовать свое сердце. Ты не со мной. Ты со своим планом на меня».

Она ушла к человеку, у которого не было ни плана, ни карьеры, ни структуры. Но у него был Эрос. Он смотрел на нее так, словно она была центром вселенной, а не переменной в уравнении. А Марк со своим 4-м, равнодушным и принимающим Эросом, просто не мог дать ей этого пламени. Его Эго хотело воспитывать и направлять, а ей нужна была слепая, иррациональная страсть.

Тогда он понял страшную вещь: корпорации банкротятся не из-за плохих рынков. Они рушатся из-за людей. Из-за их сломанных паттернов, непроговоренных травм и слепых зон. Человеческая психика оказалась самой сложной системой, которую он когда-либо видел. И чтобы не сойти с ума от собственного поражения, он решил её взломать. Он ушел из бизнеса, исчез на несколько лет, перелопатил горы литературы от Карла Юнга до современной нейробиологии, и в итоге нашел «Аматорику». Систему, которая объясняла хаос чувств математическим языком паттернов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.